

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА ГРУШ

Она проснулась рано, под громкое тиканье секундной стрелки: двое настенных часов шли вразнобой, и время будто капало с тяжелым, твёрдым стуком. Всё тело болело, каждая косточка ныла, а в мышцах накопилась тягучая усталость.

Панцирная сетка на старой кровати провисла, так что Зося лежала неудобно, дугой.

«Рано заснула, а не выпалась...»

И тут же перед ней встал в полный рост предстоящий день, и она сначала вздохнула, а после расхохоталась, вспомнив свои неурядицы.

В первый же день по приезде она наткнулась на ржавый гвоздь, во второй – кашляла от трухи и пыли (носила сено на вяхире), в третий – слесарничала, чинила дробилку для зерна, сбила пальцы, с натугой откручивая прикипевшие гайки.

Но главное – земля! Она здесь была своевольная, рожала, сколько хотела и когда хотела, или вдруг скудела – ни с того ни с сего.

Земля имела притяжение, силу. Она то безжалостно отторгала, выбрасывала людей в города, где

они устраивали «тараканьи бега» по асфальту и бетону, а то вдруг властно призывала к себе, и всегда это была чрезвычайщина – похороны или крестины, крушение жизни или её излом.

Здесь, на земле, пластом лежали груши и сливы, орали голодные коты, куры деловито гребли ямы у сарая, вились надоедливые осы, больно жилили поздние мухи.

«Отчего же так ломит тело? Неужели от лопаты?»

– Приезжай, – кричала в трубку сестра, – будешь с грушами бороться. А я – всё...

Ну всего-то две грушины она и припомнила (оказалось – три). Зося никогда никого толком не слушала, поступала как вздумается, жила своим разумением. В родительском доме была давно, захваченная карьерной гонкой в городе. И когда сестра ей угрожала грушами, она ей не сильно верила.

Зося вошла во двор и ахнула – груши лежали пластом. И сливы. Но сливы отца не очень волновали. А именно груши.

– Как ты тут с ними будешь бороться?.. – вздыхал он. – Не знаю!..

Давай их на сушку, что ли. Это быстрее.

По телевизору показывали учения. Били миномёты, ползли танки, истребители закладывали виражи. Время было восемь вечера, а глаза у неё слипались от усталости. Генштаб привёл войска Центрального округа в полную боевую готовность: выезжали из ангаров БТРы, вырубали штурмовики, бойцы разбирали автоматы из оружейки.

– Видишь, дело к войне, готовятся, – внушал отец.

Зося и сама думала, что дело к войне. Хорошо хоть малина отошла, но груши, сливы и яблоки – всё в таком изобилии и в один год она не могла припомнить.

Обсуждали с отцом, что лучше? Повидло, сок? Варенье, сушка? Жара, кстати, стояла больше тридцати, и это – в сентябре. Жарко было на улице, а в доме – стыло, и дрова, попиленный штакетник, прогорали быстро, казалось, что не оставляли тепла, один дым.

– С вами Мария Ситтель и Александр Кондрашов, в эфире «Вести», – бодро говорил телеведущий.

Зося с ужасом чувствовала, что заснёт прямо сейчас, сидя на стуле, голова её предательски клонилась вбок.

– А они что ж, поженились? – заинтересованно спрашивал отец. – Видишь, их всё время вместе показывают.

– Не знаю, – бормотала она, внутренне улыбаясь.

Зося сегодня ещё и на рынке побывала. Сестра купила папе носки. Перед тем как надеть, он вычитал на этикетке, что носки – женские. Наотрез отказался их носить, мол, что это такое, давай мне нормальные, «а в бабьих пусть сама ходит».

На рынке Зося встретила тетю Маню, та ей поведала:

– Я ж хату свою продала, с Лазоревки уехала, теперь перешла к дочери, буду у неё жить. Годы...

– Да, годы, – вздохнув, солидно поддакнула Зося.

– Годы, – хихикал отец, выслушав отчёт о встрече с роднёй. – Она на 17 лет меня моложе! Я в её возрасте и не вспоминал ни про какие годы... А ты, чё ж, уморила, что ли?

– Нет, – Зося пыталась мобилизовать в себе боевой дух и резко мотала головой, прогоняя дрему. – Это акклиматизация!..

– А-а-а, понятно, – папа недоверчиво всматривался в неё.

Груши падали с глухим или звонким стуком и производили целый переполох, когда катились по железу крыши или скатывались в сваленную кучу лома – проволока, листы старой кровли, детали от трактора. Отец собирал в хозяйство всё, вплоть до гвоздя на дороге, это была привычка, выработанная временами величайшего дефицита, когда всё надо было «доставать» с огромными трудами – доски, шурупы, гайки, уголки, обрезки труб.

Груши падали, и казалось, кто-то, большой и опасный, ходит по крыше, что-то ищет и не находит.

У папы была двухнедельная путёвка в Дом ветерана, сестра уехала к дочери в Краснодар. Зося осталась одна – с котами, с курами, а главное, с грушами.

Перерыв в этой гонке наступил внезапно – пошёл дождь, избавив её от полива огорода.

На открытой веранде Зося долго смотрела вдаль, на умытые, посвежившие окрестности. Небо было всё так же прекрасно – нежно-розовое, а выше – оттенки сливового, густо-серого, прозрачно-голубого.

И вдруг... Ей показалось, что небо стало ниже. По сравнению с

прошлым её приездом.

«Я, что ли, выросла? Или зрение так село?»

На следующий день она ещё раз внимательно, как будто была ревизором, осмотрела окрестности. И окончательно убедилась: да, небо стало ниже.

«Дурь какая-то... Глупость. Нормальные женщины смотрят в зеркало, с морщинами борются. А я в небо... Тоже мне, астроном без трубы».

За резкой груш Зося думала о своей жизни. Нет, живи она здесь всё время, она бы давно погибла!.. Слишком властно забирает земля человека, слишком большого терпения требует от него. А Зося – давно горожанка, изнежена кабинетной работой. Но и без живописного двора, без выматывающего силы огорода (от жары земля была каменной) она бы тоже, наверное, сгнула, потеряла себя. В «послушаниях» крестьянского труда заключалось что-то глубокое, тайное, до которого она никак не могла добраться. Родина – больше чем родные. Хотя они – суть родины.

Груши – Зося точно помнит с прошлого приезда – были дички, твёрдые и невкусные. И вдруг – лысенковщина какая-то, перерождение, она никак не могла в это поверить – груши стали сочные, сладкие, с терпким богатым вкусом. Знатные груши, ни на какие другие не похожие.

Как это понимать?! Почему небо стало ниже, а груши – слаще?

Почему в юности ей принадлежал весь мир (из красивых вещей у неё было только два платья – в горошек с белым воротничком, приталенное, и голубое, с васильками, летучее), а теперь, когда она что-то нажила, заработала, всё будто бы стало чужим, условно-доступным.

Точно так и время: раньше год казался громадным, длинным, а теперь – коротким и быстрым, как заячий хвост.

...То ли она втянулась в работу, привыкла, то ли погода менялась, но сегодня Зося не свалилась в сон к девяти часам, а наконец-то вышла вечером на крыльцо – постоять в раздумье. Груша, что росла у колодца, походила на новогоднюю ёлку – в её ветвях блистали крупные, яркие звёзды, а у подножья россыпью лежали плоды, и от них, казалось, исходило драгоценное, золотое свечение.

У Зоси болит небо – она обожгла его сливовым повидлом. Болит палец – прищемила дверью. На другой руке – огромный мозоль, набитый ножом.

Нежный и тревожный ветер налетел, коснулся крон деревьев, её лица и – умчал. Тихо. Дышит земля, россыпь далёких звезд, тонкий, едва уловимый аромат – это протщально цветут астры у крыльца.

И вдруг: бах! бух! Грохот железца, кошачий ор. Зося вздрогнула, ужаснувшись: что это?!

Ах, да, это же груши...

– Ну вы что? – сказала она вслух. – Неужели нельзя ещё денёк повисеть?.. Вы же видите, я всё делаю, что могу, но – не успеваю!..

Теперь она разговаривала с яблонями и с грушами, с огородом и колодцем, с котом и печкой. Бывали, конечно, и люди. Приходила почтальонка с районной газетой, где поздравляли с юбилеями пятилетних детей и бодрящихся пенсионеров, а ещё было много некрологов и местной рекламы; приезжал проверяющий по газовым плитам, бегло глянул на счётчик; и вот теперь у неё на лавочке сидел сосед Бузов и проповедовал учение о конце света.

Зося вскапывала грядку за двором, а Бузов, наскучавший на хуторе (он занимался фермерством, держал бахчу), цитировал ей с пространными толкованиями Библию. Сосед был баптист и не терял надежд обратить её в свою веру.

Она слушала вполуха (про мор, голод и число зверя) и отвечала дипломатично:

– Сколько проживу, столько и проживу. Что людям, то и мне.

Внешне Бузов давно на себя махнул рукой: футболка и штаны на нём грязные, небритый, щетина седая, волосы вихрами, давно не стриженные. Глаза воспалённые, один заплыл кровью – лопнул сосуд.

– Травят нас! – сосед перешел к доказательной части своей речи. – Самолет пролетел, чем-то обработал подсолнух цветущий, к вечеру все пчёлы подошли. У меня два улья было, для себя держал. Это как понимать?.. Магазины мелкие все разорились, а в сетях торговых ты правды не найдёшь. Мясо купил, стал варить, пена из кастрюли на полметра полезла химическая. И ты понимаешь, ничем не пахнет!.. Мясо, как картон, без вкуса. Ударно идём к утилизации.

Зося вспомнила, как она смотрела на небо, и чуть не проговорила о своих наблюдениях, но вовремя удержалась. «Ещё подумает, что не в себе, умом тронулась в деревне от одиночества. Допомогалась!..»

А вслух сказала:

– Зато груши домашние, сливы пристроить некуда. Никто и даром не берет, такой нынче урожай. Жалко, пропадут же.

– Жалко! – взвился Бузов и с остервенением затоптал окурков. – Вот тебе падалицу жалко, курицу жалко, небось, и букашку жалко. А им, – он мотнул головой вверх и вбок, – никого не жалко! Попомни моё слово: эти скоты загонят нас

в концлагерь! Будем в очередь за пайкой стоять. Умолять на коленях, чтоб покормили.

Бузов говорил с такой страстью и злобой, что Зося сжалась от его слов, как от ударов. Она чувствовала себя виноватой. Как будто от неё тоже что-то зависело – в мировом масштабе.

И тогда она сказала, как оправдалась:

– А я детям говорю: девочки, люди рождены для счастья. Надо жизнь вокруг себя делать счастливой.

Утром она пила на кухне чай, смотрела во двор, на опустевший и почти вскопанный ею огород – чёрный, ровный. За ночь на землю упало несколько светло-зелёных яблок – ветка с огромного соседского дерева нависала из-за забора. Яблоня была зимней, а плоды крупные, в кулак, и твёрдые, как камни.

Зося думала о ближайших делах: надо всё перестирать до отъезда, собрать, ничего не забыть. Вдруг краем глаза она поймала какую-то аномалию, ненормальность за окном. Присмотрелась. Из-под соседского забора медленно стала выдвигаться длинная палка – черенок от граблей. Этим орудием дед Судаков – больше некому, молодые-то на работе! – попытался захватить одно из яблок и подкатить к меже.

Занятие требовало немалой сноровки и терпения, но дед не собирался отступить.

– По справедливости, поскольку яблоки упали на нашей стороне, они должны нам принадлежать, – комментировал отец по телефону, когда Зося вечером докладывала ему новости. – Потому как яблоня у забора посажена, ствол у неё мощный, корни высасывают влагу

и полезные вещества с нашего огорода. И он закон знает, что яблоки – наши. Но не связывайся, не ругайся – пусть берёт.

– Да я и не собиралась, естественно...

– У меня и зубов нету их грызть, – пояснил причины своего великодушия отец.

Сестра, узнав про подкатывание яблок, негодовала:

– Он и меня выслеживал, вдоль забора крался! Я как со двора выйду, он шасть за этими яблоками!.. Да зайди ты в калитку при мне, спроси: можно яблоки забрать?.. Нет, это ж умалит его достоинство. Поэтому будет весь день под забором лежать и тайно их выкатывать. Хотя дома – полные сундуки добра. И всё мало!.. Вот кому надо было олигархом родиться.

Батарея банок сияла новыми крышками. Плотно набитый мешок с сухофруктами темнел в углу кладовки. Пучки высушенных целебных трав развешаны по стенам.

Ну, вот и всё!..

Она ждала междугороднего автобуса на остановке, а молодая мама везла в коляске двух сыновей, один, совсем маленький, лежал, широко открыв чистые, сообразительные глазёнки; а второй, годок, стоял в коляске, держась одной ручонкой за ограждение, а другой махал прохожим. Да так открыто и доверчиво, что невозможно было ему не ответить. Светлый чубчик, улыбочное лицо – мальчик в новеньком матросском костюмчике. И такой доброй радостью и благополучием веяло от этой семьи, что Зося долго, пока они не скрылись в конце улицы, смотрела им вслед.

Потом она ехала мимо строя молодых кривеньких березок, обещающих вырасти через много лет

в основательные и мощные деревья, мимо полей, будто расчёрсанных гигантским гребешком, мимо зеленой, таких ярких на фоне сумрачного дня. Ехали мимо домиков и домишек с новыми яркими крышами и заборами из металлического профиля, мимо придорожных кафешек, гостиниц, автосервисов, магазинчиков – всех этих «Путников», «Комфорт», «Чимкентов», «На дровах»... Ехала мимо щитовой дорожной рекламы с фотографиями новых комбайнов и сеялок, видела дальние перелески, глудки вспаханного чернозёма, и всё это проносилось быстро-быстро, так что невозможно это было вобрать в сердце – и одинокую сороку, летающую так, будто она баловалась, меняя «эшелоны» и лихача от избытка сил; и дальние дали, по которым, кажется, иди сейчас пешком, и охватит отчаяние – от невозможности дойти до цели...

Грушевого варенья она везла с собой немного – тяжело, на руках особо не унесёшь. Но всё равно несколько мини-закруток на подарок приберегла. Для самых близких друзей.

– Это чудодейственное лакомство из Индии, кладовая здоровья, – говорила она. И, видя, что ей верят, поясняла: – Ну, почти. Изготовлено лично мной по уникальной рецептуре в экстремальных условиях. Сила земли, солнца и немножко неба. От всех напастей. Во избежание привыкания – на завтрак не больше двух чайных ложек. И, вкушая, пожалуйста, будьте счастливы!

Как ни странно, варенье действительно помогало перемочь простуду. У Зоси потом его ещё спрашивали, но закрутки быстро разошлись.

А грушевого года больше никогда не было.

МУЗЫКА ЛЕТА

По дороге в Пушкино элек-тричка то бежала, то шла, то летела среди трепетных (будто первая весна юности!) деревьев с маленькими, только-только рождёнными листочками. И мне казалось, что жизнь моя идёт «на посадку» — с высоты, на которую вознесло её творчество. Да, оглядываясь назад, можно сказать, что мы управляли (наша любовь) стихиями: дождями и метелями, государственными потрясениями, жизнью и смертью... Даже так: жизнью и смертью! Сколько сил было этому отдано!.. Найдутся ли ещё для новых испытаний?!

И когда в вагон вошла немолодая женщина с баяном и хорошим, но несильным и усталым голосом стала петь о любви, взаимной и мучительной, сердце моё дрогнуло. А мужчина напротив — хорошо одетый, собранный, деловой (может, бывший военный? или предприниматель средней руки?), полез в кошелек за деньгами. Я не смогла сдержать слёз — не от песни — не очень умелой, хотя и нежной, не от

его жеста (видно, что деньгами он не бросается), не от своего настроения, нет... Может, от расцветших первыми листьев деревьев, от того, что время так быстро проходит, и от немужественной надежды, что, может, самое лучшее в моей мучительной и сильной жизни ещё не состоялось?!..

В этих раздумьях, переживая я вышла из магазина, где запасалась продуктами, свернула за угол, и вдруг так резко, пьяняще запахло сиренью, что я остановилась. В Москве, конечно, тоже есть сирень (даже под окном у меня куст), но запах её в отравленном воздухе почти не чувствуется.

Потом я шла по улице, по лугу, везде пахло травами, цветами, молодой листвой, два парня, подтягиваясь на турнике, играли мускулами. На стенде у маленького озера приглашение на субботник: «Приходите убирать планету, инвентарь — наш».

А вечером ко мне в окно заглядывала крупная и яркая звезда.

* * *

Уже перед пробуждением при-снился светлый (каких давно не при-помню) сон. Будто я в Московском университете с двумя девчонками-журналистами, в просторной светлой комнате, и нам нужно тут прожить два дня, а художник у доски рисует портрет. У него не очень получается. А нам так весело, радостно — можно гулять по парку, плавать в бассейне, шутить, всё пронизано ощущением чистоты, молодости и счастья.

Потом — новая картина — мы стоим с тобой на мостике-перехо-

де между корпусами, почему-то очень много листвы на аллее, много хорошо одетых, молодых, симпатичных студенток, много света, красок, любви и счастья...

Я проснулась, потом закрывала глаза и снова будто проваливалась «туда», возвращаясь в радостный сон. И так — несколько раз.

Я всё воображаю себя маленькой девочкой, ученицей, дочкой, а я давно уже несу роль взрослой тётеньки, женщины, а всё та же маленькая девочка, ученица.

Но всё же главное время лета проходило в Москве. Однажды вечером я рассматривала фото – какая я была тогда худая, с большими, пытливыми глазами. Двадцать лет прошло! А теперь я усталая, с морщинами, но всё равно – красивая.

Потому что ты меня – любишь.

Я писала научный труд, по правде говоря, мне почему-то казалось, что это ненужная работа; как, допустим, я бы сеяла озимые без всякой надежды дожить до урожая; но всё равно я честно трудилась – из чувства долга.

Почему-то всё врезалось мне в память этим летом, всё стало выпуклым, большим, значительным. В августе было ветрено, зябко, уже заходили холодные вечера. А мы – любили друг друга.

Нет, я ничего про это не напишу. Ни одного слова. Ну разве что о наших разговорах – о любви.

– Всё дело в тебе, – объясняла я и была в этом убеждена совершенно. Ещё бы: я видела тебя в серебристом, волшебном сиянии.

Но ты всё сводил к шутке, и получалось, что дело не в тебе и не во мне, а в чуде жизни.

Удивительно красивые люди попадались мне в метро, на улицах, в магазинах!.. Тень третьей мировой войны нависала над этим устроенным, уютным общежитием, а мы – любили друг друга! Мы спасали этот мир любовью; Бог, глядя на нас, может быть, медлил, сдерживая кару. Мы молились Ему. Я плакала, когда ты говорил мне о своей любви. Я молилась,

чтобы мы не остались друг без друга.

Кто не знал настоящей любви, тому трудно рассказать, что это такое. Да и любовь ли это? Или какой-то счастливый восторг, когда выбегаешь на берег моря и знаешь, что сейчас тёплые и ласковые волны примут тебя, что они будут обнимать твоё тело, что морю этому не будет конца и что оно, как и жизнь, принадлежит только тебе. А может, любовь – это серебристое, прозрачное озеро с хрустальной водой? И сколько ты из этой чаши ни пьёшь, она не мелеет, а ты – никогда не насыщаешься и каждый раз припадаешь к ней со сладкой жаждой и благоговением?

Настоящая любовь – всегда тайная. Потому что она – невероятная редкость в мире, а всё, что ценно, не мозолит глаза – самородное золото, алмазы, изумруды. Никто не будет хвастать или гордиться своей любовью – во-первых, всё равно тебе не поверят, а во-вторых – зачем?!.. Ну расскажешь ты о своей любви, и что?!.. Да и что ты можешь рассказать? И, главное, кому? Молодежи, уткнувшейся в смартфоны (мёдом там, что ли, намазано?!), или пенсионерам, вписывающим слова в клетки сканвордов? «Яичница», «забота», «стрела»...

Хотя старики, наверное, что-то знают. Они приметливые, чуткие и по сиянию лиц легко определяют суть. Некоторые даже нам улыбаются – глазами. И, наверное, желают счастья.

Мой рассказ – засушенный цветок между страниц старой книги, милый сувенир, подаренный до-

брым другом и задвинутый в самый край серванта, чтобы не будить воспоминания, а может, это

мелодия души, возвышенный мотив, что начинает звучать и, как в вихре, захватывает и уже не отпускает тебя?..

Глаза мои вновь были распахнуты широко, и со стороны я, наверное, казалась очень смешной. Любовь – это когда поступаешь так, как считаешь нужным, а не так, как от тебя требует «долг». Если следовать всю жизнь тому, чего от тебя хотят другие, то никакой любви у тебя никогда не будет.

«Боженька, побереги нас», – просила я, глядя на колоколенку – розовую – в ночном небе. А фонари золотыми подрагивающими свечами отражались в синем-синем озерце. Тут же я пообещала себе, что, если мы не увидимся до отъезда (в мою командировку), я напишу тебе письмо, как я люблю тебя и скучаю по тебе.

Про любовь можно прочитать только в книгах. Там, конечно, тоже много вранья, сочинений, «словесной руды», но и драгоценности есть. Если человек любит

– слово его светится, о чём бы он ни писал. Но это ни способности его, ни трудолюбие, ни требовательность – хотя всё важно! – это солнце его жизни, радость его, такая, что невозможно её, тайную, спрятать!

Иногда, правда, я пыталась смотреть на себя объективно, чужими холодными глазами. И видела нечто обычное, ординарное. Но это же ложь, сбитая оптика! Без любви я ощущала такую тоску и обыденность жизни, что мне становилось страшно.

Люди так сильно исказили природу, жизнь, красоту, так много наврали за время своей истории, что потребовались законы, подпорки, путы, чтобы закабалить народы в несчастьи, несвободе, делая вид, что ничего особенного не происходит.

Разврату и грязи сильные мира сего всегда найдут оправдания, любви – нет. Потому что тогда придётся признать, что жизнь должна быть устроена по-другому и что главная её сердцевина – любовь.

* * *

– Здравствуй! – слышала я в трубке знакомый голос, такой добрый, такой родной, и всё моё существо возносилось высоко-высоко – от радости.

– Здравствуй, – отвечала я, и выходило смущенно, глухо, обыкновенно. Я тоже старалась передать в голосе – и любовь, и ласку, и радость, и чувствовала, что не получается, и оттого сразу впадала в лёгкое чувство вины. Ах, как же он меня любит! Как умеет выразить своё счастье!

А я?!

Я тоже приберегала – к нашему разговору – и хорошие новости,

и словечки ласковые, и размышления свои, и переживала, что не могу, не успеваю всё сказать, как задумала.

Родственный долг требовал от нас разлуки. А долг любви?! Да мы бы давно погибли, умерли, исчезли, если бы не наши чувства. Они принадлежали совсем, совсем другому миру. Он был похож на полёты во сне, и, проснувшись в одиночестве, порознь, мы думали друг о друге. И даже тоска эта была красивой, ни на что на другое не похожей.

Тоска эта – по встрече – красивая. Но встреча – лучше!

Неужели это я, моя повесть о жизни, моя музыка, моя борьба, моя жизнь, моя любовь?!..

Музыка – это когда из жизни убирают всё плохое, неправильное, и оставляют самое красивое. И добавляют вдохновения.

А ещё я думаю: сколько я не узнаю, сколько уже не увижу! Как жаль...

Земля была задумана красавицей, зелёным раем. Трава, иванчай, заросли пижмы, ласковые купы деревьев, внезапно открывающийся простор – всё это волнует сердце необыкновенно, и жалко, будто я это вижу впервые за лето (так и есть)... Закат, розовый и романтичный, и ты – в моём сердце.

Любовь – вздох холмов, свежесть ветра, любовь – белые храмы кучевых облаков, любовь – цветенье трав на лугу, любовь – красота тела, чистота души, невинность её. Славься, любовь, дар богов зверю и человеку, траве и птице, камню и медоносной пчеле.

Любовь не оскорбит, не унизит, любовь – благодворит и возносит, она – как долгожданное солнце ненастной, безотрадной осенью, всегда ласковая, спасительная, благословенная!

Я пела в метро, пользуясь тем, что в шуме меня неслышно, пела на улице – и прохожим казалось, что это летит и зовёт ветер.

Все разлуки ведут к встречам! Все дороги – к тебе.

Боже мой, как давно мы не виделись!.. Какое счастье, что мы встретились!.. Мы так и стоим, обнявшись, несколько минут посреди улицы. Есть что-то отчаянно-беззащитное в нашем чувстве, как в молодом олене, который вышел к водопою, а в засаде его подстерегает браконьер.

Но в этот раз пусть будет осечка! Пусть олень даже не узнает, что снова был на краю гибели.

Мы – вместе. Это – главное, а про остальное как-нибудь после, потом, не сейчас...

НЕВЕСТА С ПРИДАНЫМ

Коля Курников страшно не любил рынки и магазины. И всегда перед выездом за покупками предупреждал Клавдию: «Будешь долго ходить – уеду!» Хотя это было бесполезно – предупреждать. Клава всё делала по-своему, она никого не слушала, кроме «внутреннего голоса». Тем более Колю. Тридцать лет прожили – дня не было, чтобы не погрызлись, не «покусали» друг друга. У Клавы, как у Мао Цзэдуна, всегда в голове собственный план, непознаваемый в принципе.

Хотя, что умного может придумать баба?! Как спустить деньги, которые Коля заработал? Это, да, тут ей равных не было. Сколько, оказывается, есть на свете штуквин, без которых невозможно прожить! По мнению Клавы, конечно. Коля, например, даже не подозревал о существовании «аппарата для завивки ресниц» или «контейнера для мойки зелени» и, тем более, о нужности этой дребедени в доме.

С такими привычными мыслями Курников, тяжело, как при подъеме на высокую гору, вздыхая, вёз

жену по колдобинам нечищенной дороги на предновогодний базар в Кипряны. Ясно, что день будет убит безвозвратно, потому как перечень покупок, составленный Клавой, включал тридцать восемь позиций, от домашней ветчины из индейки до ёлочных игрушек редкой расцветки, которые, по замыслу супруги, должны были принести удачу семье в наступающем году.

Кое-как найдя на задворках место для парковки («всё жалуются, что плохо живут, а машин за какие шиши накупили?» – ворчал Коля), супруги двинулись к торговым площадкам. Вообще Клавдия обычно оставляла мужа на месте, но нынче, видя его насупленный вид и чувствуя внутреннее кипение («ещё и правда уедет!»), Клавдия решила держать ситуацию под контролем и завлекала Колю с собой, обещая покончить с делами быстро:

– Пошли, поможешь мне сумки нести! Обежим все точки и – домой, мне ещё коржи печь.

Народу клубилось видимо-невидимо. Люди хватали всё подряд, с запасом на выходные: от хурмы до мороженой рыбы, от раскормленных «синтетических» кур до конфет и мандаринов. Любой каприз – за ваши деньги! Главное, лишнего не набрать, не поддаваться ажиотажу.

И тут, надо же, Клавдия нос к носу столкнулась с супругами Кретовыми (Коля всегда шел от жены поодаль, такая у него тактика – не лезть на глаза). Встреча произошла у киоска «Весёлый бройлер», где все страждущие запасаются дешевой, якобы экологически чистой, курятиной.

– Маруся! Петя! Здравствуй-те! С Наступающим! – вскричала

Клава с искусственным одушевлением.

Клавдия уже несколько раз побывала за границей и там набралась цивилизованных манер – всегда излучать оптимизм, особенно в мимолетных встречах, которые ни к чему не обязывают. И сейчас Коля в очередной раз увидел европейский обычай в действии.

Кретовы дружно ответили Клаве на приветствие и тоже поздравили с Новым годом, но Коля сразу заметил, что вид у супругов погасший, опустошенный. У Пети – плечи опущены, дублёнка на нём висит, будто с чужого плеча – так исхудал. А Маруся (кстати, одноклассница Колина, они вместе десятилетку заканчивали) глазами туда-сюда зыркает, будто опасается чего. На голове сиреневый берет нахлобучен, скошенный на одну сторону.

«Прямо спецназ, а не баба», – ухмыльнулся про себя Коля, подходя к Кретовым и неспешно здороваясь. «Клавдия смотрится куда женственней», – и Коля в очередной раз похвалил себя за правильный жизненный выбор.

Местный этикет предполагал ещё несколько ходовых вопросов – перед тем как разойтись.

– Ну как вы там? – завела привычную песню Маруся. – Как Со-нечка ваша?

– Да ничего, – отвечала по накатанной Клавдия, лучезарно улыбаясь. – Уехала в Москву, квартиру купила, работа есть. За-муж не собирается, – тут Клавдия невольно дала слабину, голос её пошёл вниз – личная неустроенность дочери весьма и весьма её тревожила.

– Делать там нечего! – вдруг взвилась Маруся. – И правильно, что не выходит!

– Маша, не надо, – попытался утихомирить её супруг. – Сколько можно, я тебя умоляю!

Курниковы недоумённо переглянулись. Своим правдивым ответом Клавдия явно задела нечто болезненное в бытии Кретовых.

– Да как же замуж не выходить?! – сказала Клава, чтобы заполнить паузу. – Охота нам с Колей внуков понянчить на старости лет. У Жени вашего кто-то родился?

Маруся аж побелела, губы у неё затряслись:

– Ты зачем такое говоришь?!

Видя перемену в лице собеседницы, Клава залепетала:

– Извини, я, может, чем-то тебя обидела?..

– Брешешь ведь, – с тяжелым сомнением выговорила Маруся. – Про Кретовых все знают! Все Кипряны, абсолютно.

– Понятия не имею! – вскричала Клава. – Коля, ты что-то слышал?

Курников отрицательно мотнул головой. Совесть его была абсолютно чиста – Коля питался только телевизионными новостями. Все кипрянские сплетни и склоки проходили мимо – не его уровень.

– Тогда я тебе расскажу!.. – с жаром выдохнула Маруся.

– Не надо, Маша, прошу, – попытался удержать её супруг. В голосе его было столько страдания, как будто он только что узнал про онкологический диагноз.

– Петя, отойди! – решительно сказала Маруся. – Тебе это слушать нельзя, и так сахар повышенный. Отойди в сторону, идите с Колей покурите возле ларька, я тебе разрешаю одну сигарету ради праздника. Видишь, люди вообще ничего не знают!.. Им могут про

нас что-то нехорошее напести. Сейчас, Клава, я тебе расскажу про этих курв! – и Маруся, решительно поправив съехавший набок берет, сделала глубокий, как перед длительным нырком в воду, вдох.

– Ты знаешь, откуда мы сейчас с Петей идём?

Клавдия, разумеется, не знала.

– Из суда! За колёса судились, за зимнюю резину!

– Авария, что ли, какая? Въехали в кого? – ужаснулась Клава. – А кто за рулём был?

– Ага, авария, – горько выговорила Маруся. – Вот ты подумай: в году двенадцать месяцев, а у нас уже семь судов со сватами прошло! Им деньги девать некуда, для них забава – нанимают адвоката и – вперёд. А мы ходим оплёванные с ног до головы. Сначала они с нами за алименты судились, потом – за подарки, кто сколько подарил, видеосъемку свадьбы два заседания просматривали; потом они высудили, чтобы Женька дополнительно обеспечивал Лёлю, пока ребенку семь лет не исполнится. Якобы эта кобыла с дитём будет сидеть.

– Подожди, – до Клавдии стало доходить. – Так что, твои молодые развелись, что ли?! Такая свадьба богатая – на все Кипряны прогремела! Они ж в Краснодар уехали?

– Да, уехали! А мы в долги влезли страшные, чтобы купить им квартиру в «долине нищих», до сих пор из одного кредита в другой ныряем! Женя дежурства ночные брал, на любые подработки соглашался, чтобы соответствовать запросам их величеств. Тянулся, бедняга, из последних сил... Клава, – Маруся приблизилась к собеседнице вплотную и стала вещать пристально и тихо, глядя в глаза, как на сеансе гипноза, – ты

прекрасно знаешь, мы – голодранцы, но мы – Женю девять лет учили! А они – дипломы за деньги покупали. Женя на одни пятерки и в школе шел, и в университете, и в аспирантуре! Ты же знаешь сыночка моего?..

Клавдия, смятая натиском собеседницы, испуганно кивнула. Женя действительно парень башковитый и видный. Лицом – в Марусю, а она в юности была красавица и, кстати, всерьёз нацеливалась выйти замуж за её Колю («но он другую дуру нашёл», – самокритично оценивала Клавдия свой тогдашний жизненный выбор).

А на Женю – посмотреть и то радость: лицо – «кровь с молоком», глаза синие, кудри каштановые – хоть картину добра молодца с него пиши. А статью он пошёл в Петю – стройный, широкоплечий. Куда там парень: один раз увидишь, три ночи снится будет.

– Марусь, – доверительно спросила Клава, – ну а чего Женя выбрал эту Лёлю? Она ж страшная как атомная война. Что он в ней нашёл?..

– Да они ему проходу не давали, эти Жовтиковы, – взвилась Маруся. – У нас же с ними дворы напротив. И всё их богатение у меня на глазах проходило. Когда автоколонну акционировали, сват хапнул экскаваторы и стал в аренду технику сдавать. Красота! Сиди, поплёвывай, деньги сами в руки идут. А Пете моему от автоколонны достались только радикулит и сахарный диабет!

И вот мы, нищоброды, с детства Жене внушали: учись, учись, сынок. А Жовтиковы Лёле диплом юриста купили – она на учёбу вообще не способная. Мало того, что дура, так ещё и страшная. Ни кожи ни рожи! Разве она моему Жене пара?!

– Да как же они сошлись? – гнула свою линию Клавдия.

– А так! Женю они взяли в оборот, стали ему горы золотые обещать. Может, и «присушили» даже, колдовку или экстрасенса нанимали. С них станется, я ничему не удивлюсь. Женя так не хотел её брать!.. Как чувствовал, что скандалом дело кончится. А они ему насулили и то, и сё, и пятое, и десятое; и загранпоездку в Лондон оплатили (он с докладом на конференции выступал), и не знали, куда его посадить и чем его накормить. Во что было!

– Они сколько прожили?

– Год и три месяца. И сначала, знаешь, всё неплохо шло. До того, как дитё родилось. А как Лёля вышла из роддома, как пришла в себя, так начала Женю травить и шпынять. «Мало денег! Не обеспечиваешь! Жену не считаешь!»

Женя, когда эти наезды начались, сначала подумал, что это у Лёли что-то нервное, послеродовой стресс. Ну, приехали они к сватам, а тут то же самое. Задача – изжить его из семьи.

– Зачем?!

– А у них свой расчёт – битва за генофонд. Они как рассуждают: купили за деньги гены (красивого мужа своей дочурке), дитё родилось здоровое, симпатичное, мы теперь его сами воспитаем. Зачем нам ещё кого-то кормить?!

– То есть они Женю брали как бы «на племя»?!

– Ну да. Улучшить свой генофонд, кровь обновить. А когда Женя задачу выполнил, он не нужен. Я их вмиг раскусила.

Наступила пауза.

– Подожди, Маруся, – засомневалась Клавдия. – Что-то не сходится! А зачем сваты с вами судятся? Если у них денег навалом?

Маруся вздохнула:

– Клава! Ты не знаешь этих людей и никогда не поймешь их раскладов. А я с ними семь судов прошла! Сужусь от имени Жени, он мне доверенность выдал. Ну, пойми, если Жовтиковы за зимнюю резину на машине собачатся (якобы колеса куплены за Лёлины деньги, хотя она ни одного дня в жизни не работала!), то ясно, что они нацелились бывшего зятя сделать врагом. Их задача – полностью отбить Женю от семьи.

Я ему говорю: «Женя, дитё хоть твоё? Может, и дитё не твоё, они тобой чужой грех покрывают?»

– А он?! – ахнула Клавдия.

Плечами пожал, говорит: да вроде моё, внешне похоже.

– И где он теперь?

– Квартиру ей оставил, сам сидит в общежитии, смотрит в микроскоп на блох – он же биолог! Ему диссертацию защищать скоро. Зарплата копеечная, и то из неё алименты вычитают.

Вот так вот мы сына удачно женили, на невесте с приданым! А теперь ни ему, ни нам покоя нет. Жи-

вём с Жовтиковыми напротив, так дня не проходит, чтобы они нас не поносили. Вся улица потешается.

И вот, Клава, твоё мнение как свежего человека, что нам делать?!

– Ну, не знаю, – Клавдия растерялась. И тут же нашлась: – Генфонд надо сохранить! Здоровье беречь! Видишь, какая охота у богатых за красивыми и умными.

– Это да, – вздохнула Маруся. – Я теперь Жене говорю: сынок, плюнь ты на Жовтиковых, забудь, как страшный сон. Ты – мужик, тебе жениться можно в любой момент до восьмидесяти. Никогда не опоздаешь.

...Всю дорогу домой Клавдия так и этак комментировала услышанную от Кретовой историю. Коля же, ведя машину, только гмыкал, хмыкал, иногда говорил «да», иногда – «нет». В этой истории, если честно, самым умным он считал себя, но именно поэтому Курников благоразумно помалкивал, давая Клавдии возможность выговориться и насладиться личной жизненной мудростью.

ВОВКА

— Что ж Вовка не едет? – с обидой спрашивал Иван Фёдорович, разворачивая свёртки с домашней едой – время его лежания в районной больнице уже перевалило через месяц, а сын так ни разу его и не навестил.

– Да он приезжал, а ты спал, он не стал будить, пожалел, – в прошлое своё посещение торопливо объясняла жена. (В основном она навещала больного, дочь Света – реже, у неё работа, семья...)

Иван Фёдорович раздумчиво

вздыхал:

– Уже и жатва кончилась...

– Комбайн ему надо срочно починить! – частила Женя в этот раз.

Жену Ивана Фёдоровича все называли только так – Женей. С юности до старости она была маленькой, тоненькой, с нежным взглядом синих глаз. Сегодня Иван Фёдорович отметил, как сдала, истончилась за последнее время Женя – лицо её пожелтело, поблекло, тёмно-русые волосы совсем поседели. Лето – пора

горячая, а тут – и огород, и заготовки, и скотина, и всё, считай, в одни руки. Вовка дома не помощник, он вместе с напарниками занимался фермерством. Сын закончил агрономический факультет, а трактор, комбайн, машину грузовую он хорошо знал со школы – помогал Ивану Фёдоровичу на полях.

Отец хоть и был в обиде на Вовку – можно часок-другой выкроить на больницу, всё ж таки инфаркт, не шутка, – а с другой стороны находил оправдания сыну – земля она внимания требует, особенно летней порой. Светка пошла по городской линии – в парикмахеры, и жила тут же, в райцентре, и вроде ласковая она, умеет где надо правильное словцо вернуть, но Ивану Фёдоровичу всегда был сын ближе.

«И то, – вздохнул Иван Фёдорович, вспоминая Вовку, – первый парень на деревне: высокий, кудрявый, хоть на гитаре сыграть, хоть стог сметать». Одна беда: не женат. Хотя от девок и баб никогда отбоя не было. Ивану Фёдоровичу вдруг пришло на память, как прошлым летом привезли они с Вовкой на грузовике зерно на ток. Сын – крепкий, меднозагорелый, с золотистыми кудрями, стоит среди золотого потока пшеницы и подмигивает молодой девчонке:

– Вы, часом, не кладовщица?

– Нет.

– Жаль. Лучше б вы были кладовщицей...

– Да я сама по себе клад, – дерзко отвечает та, и оба хохочут. И жарко, и пыльно, и солнечно, и – грустно почему-то, как всегда бывает, когда лето минует макушку.

«Вовка, женись!» – бывало, кричал на сына Иван Фёдорович. «Некогда, батя!» – отбивался тот. Когда сыну стукнуло сорок, Иван

Фёдорович плюнул и замолчал – раньше надо было учить, закоренелого холостяка не переделаешь.

А Женя – замученная, новостей у неё никаких нет, говорит мало, а про Вовку так совсем неохотно – мол, когда я его вижу – он в поле с утра до вечера. Только просит: «Ты, батько, полежи ещё, пусть тебя хорошо подлечат». В уголках её добрых глаз копят слёзы. Иван Фёдорович негодует:

– Больница, называется, всё своё – одеяло, подушка, простынь, чашка, ложка. У нас новенького положили, торгаша с рынка, он спрашивает: «Кормят хоть ничего?» А я ему: «Молодая еще ничего варит, а стара... Мы между собой кажем: от, курва, чего ж она тут наклала?!..»

– Принесла я тебе всего, – спешит объяснить Женя, – и яички, и чесночок – полезный он для сердца – и огурчик, и яблочко. Кушай, поправляйся. А я побегу на автобус, а то как потом добираться?!..

– Вовке накажи, чтоб заехал к отцу! – прощаясь, строго говорит жене Иван Фёдорович.

– Ладно, ладно, – кивает она и быстро, семеня худыми ногами, уходит.

...За высоким, дореволюционных еще времен кирпичным забором, отделяющим больницу от остального мира, Женя даёт волю слезам. Она не плачет и уже не воеет, а только поскуливает от горя. Женя снимает с головы будничные платок и достает из тощей сумки чёрный, траурный. Уже и девять дней прошло, как Вовку похоронили – умер на работе, надорвался, сердце не выдержало. Женя, шатаясь, прижав руки к лицу, бредёт по пыльной, колдобистой дороге. Тело её мелко трясётся. «Вовка... Вовка...», – зовет она сына...